

На юбилейном вечере Б. С. Брунова, что проходил в театре на Берсеневской, среди многих сюрпризов оказалась и встреча с нашими бывшими соотечественниками, живущими ныне в Америке: киноартистом Савелием Крамаровым и композитором Александром Журбиным.

Узнав, что я представляю газету «ВК», Крамаров скороговоркой произнес уже на плохом русском: «Интервью не даю, не даю интервью».

По-моему, он очень разнервничался, столкнувшись с отечественной прессой, и даже мое: «А я его у вас и не прошу» — мало его успокоило.

Меня более интересовал композитор Александр Журбин, который не только охотно согласился на наш разговор, но, оказалось, читает «ВК» в Нью-Йорке, где он живет и работает.

лось никому из моих коллег. — поставил свой мюзикл. Правда, не на Бродвее, а в Филадельфии, но в хорошем театре, с залом на 1200 мест и с хорошими столичными артистами. В свое время премьера этого моего мюзикла «Биндюжник и король» состоялась в России...

— Я видела этот спектакль по «Закату» И. Бабеля в студенческом театре в Гнездиновском переулке. Знаю, что он шел во Львове.

— Так вот в Филадельфии он назывался «Как это делалось в Одессе» и шел 2 месяца при ежедневных аншлагах. Мне эта постановка принесла хорошие деньги, что позволило моей семье нормально устроиться в Манхэттене.

— Сейчас этот спектакль не идет?

— Нет. Это же известная практика: артистов набирают на определенный спектакль, и он идет какое-то время. Как здесь решается вопрос распределения ролей? Труппы постоянные, и кто есть в труппе — те и играют. Я помню, в свое время А. В. Эфрос пытался поломать этот окаменевший стандарт. На Наполеона он пригласил тогда М. Ульянова, а Отелло у него пробовал играть В. Гафт. Это не прижилось в московских театрах, а Эфрос, как известно, много натерпелся от своих за подобные вольности, хотя он был абсолютно прав. А в Америке есть актерская газета, где печатаются объявления, приглашающие актеров на прослушивание. Приходят сотни исполнителей. Там закон: артист должен физически соответствовать своему персонажу, т. е. учитываются рост, вес, цвет глаз, возраст.

Каждый день в Нью-Йорке свободны 25 тысяч актеров, которые охотно откликаются на эти объявления. В случае удачи они получают работу, как было в моем спектакле. Потом они мне говорили, что после этой двухмесячной работы они, не испытывая финансовой нужды, могут полгода отдыхать, т. е. до следующего спектакля.

на по классу скрипки. Этим летом он играл сольный концерт с оркестром и имел успех. Много времени проводит за компьютером, и при его помощи он связан с гигантской информационной сетью. Для нас с женой Лева — главный консультант по всем вопросам американской жизни, начиная от языка и кончая информацией о голливудских фильмах.

Скажу тебе: когда люди говорят, что они уезжают из России ради детей, — это не просто слова. Я могу это подтвердить.

Дело ведь не только в доброкачественном куске мяса или стакане хорошего сока. Я побывал в театрах, в концертных залах. Не очень-то радостная картина. Ты пойми: я хочу, чтобы мой сын жил нормально, чтобы он смеялся, творил. Сегодня, а не тогда, когда придет то светлое будущее, что обещали еще нашим родителям. Да простят меня за это другие дети...

— Давай не будем о детях, это очень грустная тема. Скажи лучше, чем занимается твоя жена Ирина? Здесь, у нас, она была членом Союза писателей, поэтом, переводчиком.

— Ира — продюсер русского ТВ, созданного год назад. Все известные русские, приезжающие в США, обязательно выступают на этом ТВ.

— И ты не скучаешь по Москве?

— Только не презирай меня — я не скучаю. Может, потому, что там я занимаюсь своим делом, а может, потому, что все мои друзья рядом: Петр Вайль, Александр Генис, Соломон Волков, Аркадий Львов. Сейчас в Нью-Йорке довольно большое русское общество, много приятных интеллигентных людей. А может, я не скучаю потому, что в любой момент я могу приехать в Россию. Только скажу тебе честно: не радуют меня эти мои приезды... Вот пошел в Дом композиторов — я раньше так любил там бывать — и все там по-другому. А что натворили с Дашкевичем? Страшно.

Нет в Москве и дома ВТО, где было так тепло и весело. Иногда мне кажется, что я нырнул с корабля и поплыл, а он взял и затонул, и мне некуда возвращаться.

— У тебя есть друзья среди американцев? Конечно, и довольно много. И знаешь, эти две сферы не пересекаются: русские живут обособленно, но нам с Ириной хорошо и с теми, и с другими.

— Саша, у тебя всегда были большие и интересные творческие планы. И, что замечательно, ты всегда их осуществлял. Как сейчас?

— В этом смысле так же, как и было. Я неожиданно для себя вернулся к академической музыке. Написал сонату для виолончели, оркестровые пьесы, вокальные циклы на сонеты Шекспира и стихи Бродского. Сейчас заканчиваю новый мюзикл.

— Скажи, а твоя нынешняя поездка в Москву преследует деловую цель?

— Ты угадала. Я сейчас задумал и начал осуществлять создание в Нью-Йорке русско-американского музыкального театра. Эта идея родилась совсем недавно. Я вдруг заметил, как много хороших русских артистов в Нью-Йорке. По понятным причинам в американских театрах большинство из них играть не могут. Моя идея нашла поддержку в самых разных американских и русских кругах. В нашем театре будут ставиться музыкальные спектакли по Чехову, Набокову, Бабелю, Шолому Алейхему. Первая премьера состоится в феврале, но я суеверный человек и ни слова больше об этом не скажу.

— Скажи хотя бы, кто в твоей труппе?

— Много молодежи, выпускников московских театральных училищ. Из известных могу назвать Елену Соловей и Бориса Сичкина. У нас есть довольно большая поддержка американских спонсоров, но мы не отказались бы и от участия в этом благородном деле русских меценатов.

— Саша, ты что, не знаешь наших? У нас нет меценатов, у нас все спонсоры, и начать надо с того, что вы дадите взамен...

— Мы, со своей стороны, обещаем расширение связей и контактов в США, а также рекламу фирмы-спонсора на всех productions театров. В США это очень высоко ценится. А русским звездам мы хотим предложить участие в спектаклях нашего театра.

— С кем из наших мэтров ты уже говорил?

— Мне удалось побеседовать с Михаилом Ульяновым и Арменом Джигарханяном.

— И как?

— По-моему, мое предложение их заинтересовало. Поживем — увидим.

— Я тоже так думаю: увидим, если доживем.

Галина ЗАМКОВЕЦ.

Александр ЖУРБИН:

"А Бог ему ответил: не надо путать туризм с эмиграцией"

— В общем, ты приехал туда с некой долей уверенности в успехе?

— Ничего подобного. Наоборот. Оказалось, что мои российские творческие успехи здесь, в Америке, так же, как советский рубль, не конвертируемые. Мне говорили: это очень хорошо, что у вас музыка к 50 фильмам... А что вы умеете? Вы здесь покажите, на что вы способны. И я все начинал заново. Знаешь, Нью-Йорк — удивительный город, это мультикультурный город. Я не знаю, сколько национальностей здесь проживает — и все доказывали свое право на жизнь здесь. И если ты смог что-то сделать в Нью-Йорке, то ты сможешь это делать везде. Это закон.

— Конечно, тебе очень помогли друзья...

— Не строй иллюзий. Одно дело, когда ты приезжаешь в гости, и другое, когда ты поселяешься надолго. Тогда никто особенно не торопится с дружеской поддержкой. Действует железный закон: делай все сам. И мое счастье, что я это вовремя понял. У меня был опыт подобной ситуации.

— Когда же это было?

— Я родился и учился в Ташкенте, там окончил консерваторию по классу виолончели, затем в Москве Музыкальный институт им. Гнесиных и в Ленинграде как музыковед окончил аспирантуру при Ленинградской консерватории. Моя первая, она и отечественная первая, рок-опера «Орфей и Эвридика» принесла мне известность, для меня открылись в городе на Неве огромные возможности. Но когда я переехал в Москву, то здесь у меня создалась ситуация, подобная той, что я пережил в Америке. Мне говорили: докажи! И я доказывал. Так что самоутверждаться у меня вошло в привычку.

— Как ты это доказывал в США?

— В Америке я сделал то, что еще не уда-

лось никому из моих коллег. — поставил свой мюзикл. Правда, не на Бродвее, а в Филадельфии, но в хорошем театре, с залом на 1200 мест и с хорошими столичными артистами. В свое время премьера этого моего мюзикла «Биндюжник и король» состоялась в России...

— Я видела этот спектакль по «Закату» И. Бабеля в студенческом театре в Гнездиновском переулке. Знаю, что он шел во Львове.

— Так вот в Филадельфии он назывался «Как это делалось в Одессе» и шел 2 месяца при ежедневных аншлагах. Мне эта постановка принесла хорошие деньги, что позволило моей семье нормально устроиться в Манхэттене.

— Сейчас этот спектакль не идет?

— Нет. Это же известная практика: артистов набирают на определенный спектакль, и он идет какое-то время. Как здесь решается вопрос распределения ролей? Труппы постоянные, и кто есть в труппе — те и играют. Я помню, в свое время А. В. Эфрос пытался поломать этот окаменевший стандарт. На Наполеона он пригласил тогда М. Ульянова, а Отелло у него пробовал играть В. Гафт. Это не прижилось в московских театрах, а Эфрос, как известно, много натерпелся от своих за подобные вольности, хотя он был абсолютно прав. А в Америке есть актерская газета, где печатаются объявления, приглашающие актеров на прослушивание. Приходят сотни исполнителей. Там закон: артист должен физически соответствовать своему персонажу, т. е. учитываются рост, вес, цвет глаз, возраст.

Каждый день в Нью-Йорке свободны 25 тысяч актеров, которые охотно откликаются на эти объявления. В случае удачи они получают работу, как было в моем спектакле. Потом они мне говорили, что после этой двухмесячной работы они, не испытывая финансовой нужды, могут полгода отдыхать, т. е. до следующего спектакля.

— Саша, я много раз в прежние времена брала у тебя интервью. Ведь здесь, в Родине, ты был одним из самых популярных наших композиторов. Справедливо считается, что у тебя счастливая творческая судьба. Помню, в 1975 году, когда впервые на отечественной сцене зазвучала рок-опера «Орфей и Эвридика», специалисты сразу стали называть тебя одним из лучших композиторов России.

Ты уехал в Америку, будучи автором 5 опер, 3 балетов, 15 музыкальных комедий, которые шли во многих театрах тогдашнего Союза, музыки к 50 кинофильмам... и множества сочинений в других жанрах... На ТВ ты вел одну из наших популярных передач «Споемте, друзья!».

Я помню наш последний с тобой разговор, он состоялся сразу же после шумного успеха премьеры спектакля «Приятная женщина с цветком и окнами на север» в Театре эстрады. Мы сидели в твоей роскошной студии на Пушкинской и говорили о твоих планах на будущее, и ни слова не было сказано о твоём желании уехать. Скажи как на духу: почему же ты все-таки уехал от нас?

— Я уехал, потому что для этого настало время. Я никогда не был удовлетворен тем, что сделал. Я мечтал с детства об Америке! Еще мальчишкой я был влюблен в американскую музыку... джаз, рок... я обожал американское кино. Я уже тогда «видел» себя в той интересной, особенной, близкой мне творческой жизни. И еще признаюсь как на духу, как ты того просишь: сработала интуиция. Я вдруг почувствовал, что наступают времена, когда всем нам будет не до музыки и не до искусства. Это носилось в воздухе.

Я никогда не занимался политикой, и никаких политических причин для моего отъезда из страны не существовало. Просто я очень ценю свою единственную жизнь и хочу ее интересно прожить. Я не эмигрант, я российский гражданин, у меня наш паспорт, но сейчас я постоянный житель Америки.

— И ты считаешь, что поступил правильно, прислушавшись к своей интуиции?

— Да. За эти 2 года, что я в США, я уже второй раз приезжаю в Москву. Жизнь моих коллег за это время ощутимо ухудшилась. Я говорю то, что знаю, — они стонут от бессилия и ненужности.

— По-разному складывается жизнь «наших» за рубежом, у тебя, видимо, все о'кей?

— Да, судьба мне улыбнулась, хотя и не сразу...

Еще до отъезда в США я много раз там бывал. У меня в Америке еще тогда было много друзей, достаточно крепкие деловые связи... Были и надежные предложения.